

«НЕ МОГУ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ЭТО БЫЛ ОПРЕДЕЛЁННЫЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАГОВОР»

Следственные материалы по делу сторонников
генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте

«I CANNOT SAY THAT THIS WAS CERTAIN COUNTER-REVOLUTIONARY CONSPIRACY»

Evidences relating to case of General L.G. Kornilov's supporters
in the South-Western Front

Сведения об авторе. Ганин Андрей Владиславович — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук (Москва. E-mail: andrey_ganin@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу следственных документов по делу сторонников генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте. Документы были вывезены следователем из России в 1917 году и оказались в США. Их анализ позволил составить представление о роли генералитета Юго-Западного фронта в деле Корнилова.

Ключевые слова: выступление генерала Л.Г. Корнилова; Юго-Западный фронт; Л.Г. Корнилов; А.И. Деникин; Р.Р. фон Раупах.

Information about author. Andrey Ganin — Leading Researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: andrey_ganin@mail.ru).

Summary. The article analyses evidences relating to the case of General L.G. Kornilov's supporters in the South-Western Front. The documents were taken by the investigator from Russia in 1917 and found themselves in the United States. Their analysis made it possible to form an idea of the role of the South-Western Front generalship within Kornilov's case.

Keywords: speech of General L.G. Kornilov; South-Western Front; L.G. Kornilov; A.I. Denikin; R.R. von Raupach.

В 2003 году в Москве был издан фундаментальный двухтомный сборник документов «Дело генерала Л.Г. Корнилова»¹, содержащий публикацию 222 различных документов по этой теме. Первый том составили материалы Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове. Во второй том вошли показания и протоколы допросов. Это издание стало основой современного изучения Корниловского мятежа.

Однако никто не обратил внимания на существенную особенность этого сборника. В нём были опубликованы свыше ста показаний различных лиц, причастных к этому движению или к его подавлению, от генералов до прапорщиков включительно. Эти документы хранятся в фонде 1780 Государственного архива Российской Федерации («Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках»), включающем 108 единиц хранения. Но как в фонде, так и в сборнике отсутствуют документы следствия в отношении сторонников генерала Корнилова с Юго-Западного фронта, таких как, к примеру, главнокомандующий армиями фронта генерал А.И. Деникин, начальник штаба фронта генерал

С.Л. Марков и др. Объяснения этому не приводилось.

Работа в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке позволила разъяснить этот вопрос. Подлинные документы расследования по делу корниловцев на Юго-Западном фронте («Дело о событиях 27 и 28 августа 1917 года в городе Бердичеве») были обнаружены нами там в коллекции прокурора Р.Р. фон Раупаха — члена Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове. Есть все основания считать эту находку одним из главных архивных открытий юбилейного 2017 года.

Первый том расследования посвящён событиям в Бердичеве, второй том — событиям в Житомире, где располагалось главное управление снабжений, третий — событиям и там и там. Среди выявленных материалов протоколы свыше 90 допросов генералов А.И. Деникина, И.Г. Эрдели, В.И. Селивачёва и многих других, вплоть до писарей, постановления, телеграммы, переписка, а также личные воспоминания самого Р.Р. фон Раупаха о деле Корнилова.

О событиях Корниловского движения на Юго-Западном фронте в общих чертах известно.

Его подробности изложены в воспоминаниях генерала А.И. Деникина². Однако совершенно очевидно, что выявление большого комплекса следственной документации общим объёмом свыше 1000 листов выводит изучение этой темы (а также сопутствующих сюжетов, не исключая биографические, поскольку в коллекции содержатся материалы, в том числе предшествовавшие корниловским событиям) на принципиально новый уровень детализации³.

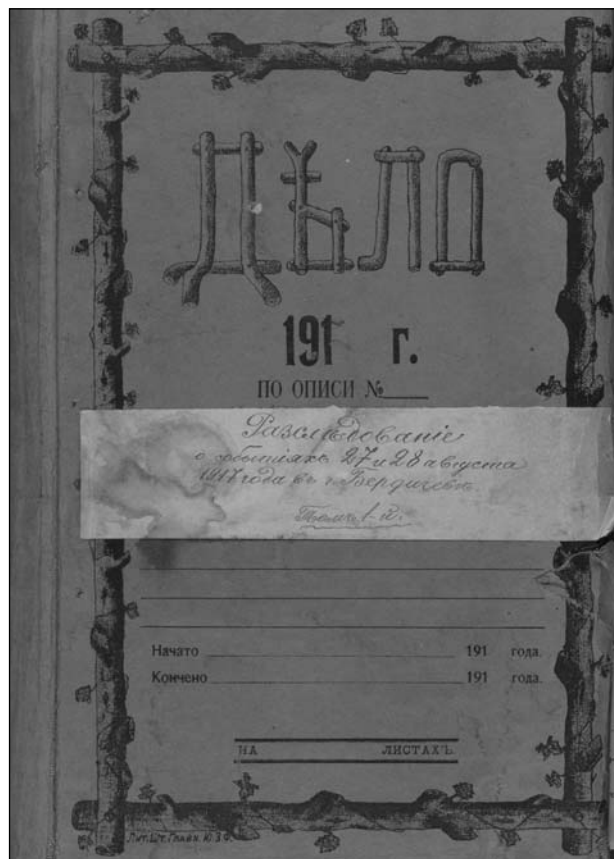
Личность полковника Романа Романовича фон Раупаха (1870—1943) получила широкую известность после того, как в 2007 году на русском языке были изданы его довольно нехарактерные для эмигранта воспоминания «*Facies Hippocratica* (Лик умирающего)»⁴. Однако эти воспоминания практически не затрагивают дело Корнилова. Раупах известен тем, что в ноябре 1917 года по просьбе Корнилова напечатал предписание быховскому коменданту освободить арестованных Корнилова и других как внесших денежный залог. Документ заверяли печать Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и поддельная подпись председателя комиссии И.С. Шабловского. В итоге генералы спаслись, а сам Шабловский откrestился от поддельного документа. В конце декабря 1917 года Раупах уехал в Финляндию, где и прожил до самой смерти.

Обстоятельства исчезновения части следственных материалов пояснялись Раупахом в письме известному общественному деятелю В.Л. Бурцеву от 27 августа 1928 года: «Одиннадцать лет тому назад, состоя членом образованной для обследования дела ген. Корнилова следственной комиссии, мне удалось вывезти в Финляндию часть относящихся к этому делу следственных актов (в копиях) и полностью всё подлинное производство по делу генералов Ю[го-]З[ападного] фронта: Деникина, Маркова, Эрдели и др.

Эта счастливая случайность и то обстоятельство, что политические события 1917 г. помешали не только всестороннему освещению дела судом, но и оглашению добытых следствием данных в более или менее систематизированном виде, давно уже зародили во мне намерение разработать сохранившиеся материалы, дополнить их личными впечатлениями как о самом деле, так и о той цепи событий, последним и неизбежным звеном которой оно являлось, и эти результаты “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет” — издать особой книгой.

Осуществление этого намерения встречало, однако, неодолимые препятствия: с одной стороны, я не мог получить части хранившихся вне Гельсингфорса моих заметок, с другой — тяжёлое материальное положение настоятельно требовало заработка и исключало возможность целиком отдаться бездоходному труду.

В настоящее время я надеюсь получить некоторую возможность в течение нескольких месяцев

Титульный лист первого тома следственных материалов

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры

быть освобождённым от забот о хлебе насущном, а так как весной этого года доставлена мне и отсутствовавшая часть заметок, то я и решил попробовать оглянуться на минувшие дни, спеша это сделать ещё и потому, что усталая жизнь быстро клонится к закату и что “судьбой отсчитанные дни” едва ли будут многочисленны»⁵. Сам Раупах так и не осуществил задуманное. Впоследствии эти документы оказались в США.

Итак, 30 августа 1917 года военный комиссар Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданский предложил полковому военному прокурору фронта произвести его распоряжением расследование о покушении на государственную измену со стороны главнокомандующего фронтом генерала А.И. Деникина, начальника штаба фронта генерала С.Л. Маркова, генерал-квартирмейстера генерала М.И. Орлова, главного начальника снабжений генерала Е.Ф. Эльснера, его помощника генерала И.В. Павского, правителя канцелярии генерала Д.Д. Сергиевского и других лиц⁶.

По свидетельству Раупаха, 5 сентября 1917 года министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский прибыл в Могилёв, где пытался контролировать работу следственной комиссии и ограничить расследование лишь вопросом издания Корниловым воззвания. Раупах

Полковник Р.Р. фон Раупах

прямо свидетельствует, что Керенский стремился скрыть наличие сговора с Корниловым, поскольку его требование «механически отсекало и погружало в Лету всю деятельность самого Керенского, обращая “сговор” в “заговор”»⁷. Кроме того, Керенский пытался с помощью комиссара Н.И. Иорданского организовать в Бердичеве военно-революционный суд над генералами А.И. Деникиным, С.Л. Марковым и другими, не дожидаясь расследования дела самого Корнилова⁸. Аналогичные попытки предпринимал и комитет Юго-Западного фронта⁹. Фактически смертный приговор второстепенным участникам дела Корнилова должен был предрешить участь основных фигурантов¹⁰. Раупах отметил, что своими противозаконными действиями спас корниловцев. Он сделал доклад генералу М.В. Алексееву, из которого следовало, что именно Керенский организовал провокацию, вылившуюся в выступление Корнилова. Соответствующие документальные данные (переговоры Корнилова с Керенским и бывшим обер-прокурором Святейшего синода В.Н. Львовым) были переданы Алексееву для обнародования в печати. Их публикация в газете «Утро России» сразу вывела следствие за рамки, на которых настаивал Керенский. В свою очередь член комиссии полковник Н.П. Украинцев добился в Петросовете разрешения объединить дело Корнилова с делом его соратников с Юго-Западного фронта.

Как отмечал Раупах, «разработка корниловского материала единственно с целью освещения ролей Керенского и других действующих лиц представляется мне малоинтересной. С моей точки зрения, корниловское движение было лишь последним актом той борьбы между

“цензовой” Россией и не желавшим воевать вооружённым народом, которая ошибочно определяется как “народная революция”. Тут желаемое принято за сущее.

Не революцией в смысле насильственного осуществления назревших насущных неотложных народных потребностей было событие 27-го февраля, а военным мятежом, вызванным катастрофичностью войны и усталостью от неё многомиллионных солдатских масс. Специфическими особенностями военного бунта и определились всё развитие и весь характер последующих событий.

Само собой разумеется, что обоснование такого взгляда является задачей весьма широкой, требующей глубокого и тщательного изучения источников...»¹¹.

Наибольший общественный интерес среди этих документов вызывают показания генерала А.И. Деникина. Они были даны уже 31 августа 1917 года, практически по горячим следам событий. Деникин указал, что считал и считает военную политику Временного правительства губительной для страны, выступал за реформирование армии и предоставление Верховному главнокомандующему особых полномочий.

По свидетельству Деникина, «генерал Корнилов при его огромной энергии, боевом опыте, исключительном личном мужестве и бескорыстной любви к Родине может вывести армию из тупика и спасти Россию.

Программа его — реорганизации армии — мне известна и совпадает с моими взглядами. А политическую — он в личной беседе со мной выразил кратко: “Довести Россию в республиканском строе до Учредительн[ого] собрания”.

Поэтому все мои симпатии как гражданина и человека были на стороне Корнилова, а не Временного правительства»¹².

По показаниям генерала, до 27 августа он не знал о политическом кризисе в стране, но воспринимал много слухов и тревожных суждений от приезжавших в Бердичев. По оценке Деникина, слухи усилились после падения Риги 21 августа (3 сентября) 1917 года. Наиболее реальными из них Деникин считал разговоры о волнениях в Петрограде и о предстоявшем там большом выступлении большевиков, а также о перемене состава Временного правительства.

Информация из Ставки от начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала А.С. Лукомского 27 августа 1917 года о том, что Керенский отстранил Корнилова, а последний не согласился сдать должность, произвела сильное впечатление на генералов. Деникин свидетельствовал: «Телеграмма Лукомского была совершенно неожиданна (№ 6412)¹³. В ней я увидел крушение надежд на возрождение армии. И как гражданин и солдат хотел от боли крикнуть на всю Россию, что и сделал телеграммой № 145. В чём никогда не раскаюсь. Заключительная фраза “по этому пути с ним я не пойду”¹⁴ ориентировала Вр[еменное] пр[авитель]ство в том, что

убеждений своих я не изменю, и предоставляла ему возможность устранить меня или сделать, что заблагорассудится»¹⁵. Деникин поддержал решение Корнилова. То же сделал и Марков.

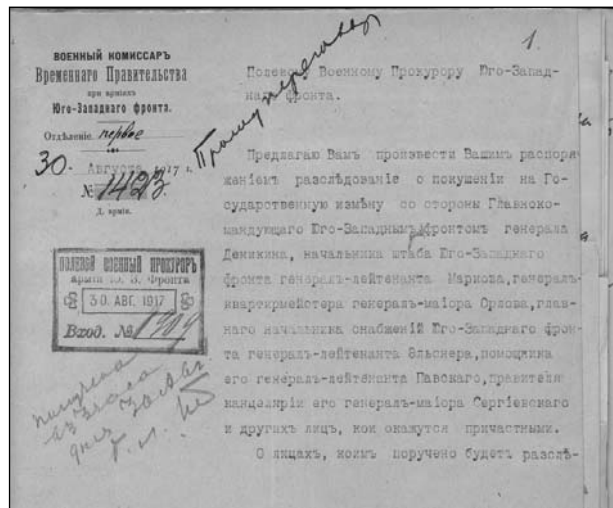
Своему начальнику штаба генералу С.Л. Маркову А.И. Деникин приказал зачитать шифротелеграмму генерала А.С. Лукомского и ответ Деникина в собрании офицеров.

Следствие интересовалось совещанием, организованным начальником штаба фронта вечером 27 августа. Оно проходило в здании Коммерческого училища в Бердичеве, где размещалась генерал-квартирмейстерская часть штаба фронта. На этом совещании присутствовали порядка 15—20 офицеров. Генерал Марков зачитал текст телеграммы Лукомского, ответ Деникина Керенскому о сочувствии Корнилову и свой о присоединении к мнению Деникина, после чего заявил, что каждый может при сложившихся обстоятельствах действовать по своему усмотрению (в других свидетельствах — поступить по совести), затем состоялась дискуссия¹⁶. Некоторые старшие офицеры — генштабисты, в частности подполковники Е.А. Кельчевский и В.В. Колоссовский, не поддержали корниловцев.

Телеграмма Лукомского и ответы Деникина и Маркова вечером передавались секретным порядком командующим армиями и главному начальнику снабжений. Все они (командующий 1-й армией генерал Г.М. Ванновский, командующий 11-й армией генерал Ф.С. Рерберг, командующий 7-й армией генерал В.И. Селивачёв со своим начальником штаба, командующий Особой армией генерал И.Г. Эрдели, главный начальник снабжений армий Юго-Западного фронта генерал Е.Ф. Эльснер) выразили свою солидарность.

Кроме того, 27 августа главнокомандующим фронтами, командармам и в ряд других адресов было передано воззвание Корнилова. После рассылки оно поступило в дежурство для тиражирования и отправки в войска. К утру 28-го выяснилось, что наборщики типографии отказались выполнять такое распоряжение. Генерал Марков показал, что телеграмма пошла в набор и корректуру обычным порядком, но утром он отменил её распространение и сжёг исходный документ¹⁷. Аналогичным образом было предписано опубликовать телеграмму Керенского. О движении войск на Петроград Деникин узнал только из газет «Киевская мысль» и «Армейский вестник». Передавалась командующим армиями и ещё одна телеграмма в поддержку Корнилова¹⁸.

28 августа главнокомандующий армиями фронта отдал общее распоряжение о том, что боеспособность фронта не должна пострадать. Отдавались приказы об усилении окарауливания штаба, патрулирования Бердичева, закрытии радиотелеграфа и постановке телеграфных учреждений под контроль офицеров (Деникин не помнил, было ли это его личным распоряжением или приказом Ставки), введении предварительной цензуры в местных газетах.

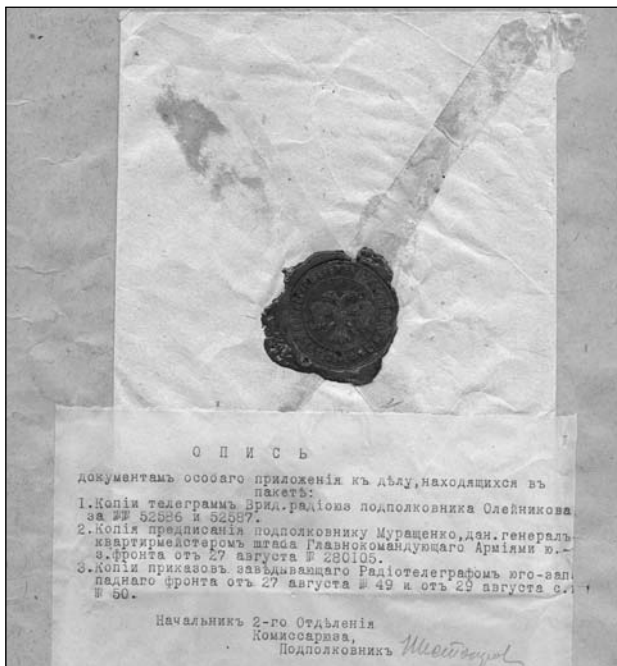

Предписание о проведении следствия
Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры
Публикуется впервые

В Бердичеве для предотвращения беспорядков располагался 1-й Оренбургский казачий полк. Деникин свидетельствовал, что полк был переведён в Бердичев «давно»¹⁹, то же подтверждал и Марков²⁰. Части был устроен строевой смотр. Кроме того, для охраны порядка Деникин вызвал батальон 1-го Чехословацкого стрелкового полка, но затем отменил распоря-

В.В. Колоссовский
1913 г.

Материалы следствия

*Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры
Публикуется впервые*

жение. Иных вызовов или перемещений войск в связи с Корниловским движением, по его свідетельству, не делалось.

Деникин отметил, что «верил в безболезненную, добровольную реконструкцию правительства. Всем сердцем сочувствую мерам возрождения армии, предложенным Корниловым. А против Вр[еменного] пр[авитель]ства, отношение к которому определѣнно высказал в совещании 16 июля²¹, тем не менее, активно не выступал.

Н.И. Иорданский

И когда н[ачальни]к штаба во время переговоров с чинами комисс[ариата] и ком[итетом] 28-го обратился ко мне, я сказал: я свое убеждение высказал, пусть запросят Вр[еменное] пр[авитель]ство — пусть оно что хочет, то с нами делает»²². Распоряжений о задержании и аресте комиссара Иорданского Деникин не отдавал.

Генерал С.Л. Марков также дал показания 31 августа. В них он отметил, что до 27 августа не предполагал возможного смещения Корнилова, не знал о его выступлении против правительства, а, наоборот, был уверен, что у Корнилова, Керенского и Б.В. Савинкова налажено тесное сотрудничество в деле укрепления армии. Марков ждал обнародования корниловской программы, но понимал, что это может вызвать протест большевиков. Утром 28 августа Марков усилил охрану штаба с полусотни до сотни казаков, причѣм требовалось окарауливать и винный склад. Кроме того, ещё сотня казаков потребовалась для успокоения волнений в автомобильной команде на Лысой горе и для усиления охраны штаба ввиду слухов о движении к штабу броневиков, эскадрона и нескольких сотен солдат.

Марков дал объяснения своему ответу на собрании на вопрос о наличии сил, на которые мог опереться Корнилов. Ответ «базировался на симпатиях к г[енералу] Корнилову известных слоѣв общества России, на устроенной ему торжественной встрече на вокзале в Москве, на приѣме в московском заседании²³ и на тех заявлениях, о которых все знают из газет»²⁴. Что касается предполагаемого выступления большевиков, то генералы опасались повторения июльских событий в более широком масштабе. Марков отмечал, что, как второй генерал-квартирмейстер Ставки, одним из первых узнал о связи В.И. Ленина и других лиц с германским правительством.

В ночь с 27 на 28 августа комиссар Иорданский из Киева вышел на связь с врид начальника 3-го отдела управления комиссара Юго-Западного фронта полковником С.М. Асатиани, передав ему секретно сведения об ультиматуме генерала Корнилова Временному правительству и о том, что правительство сместило Корнилова, временно назначив вместо него генерала В.Н. Клембовского и перенеся ставку в Псков. По оценке Иорданского, на Юго-Западном фронте предполагался контрреволюционный заговор, в связи с чем необходимо его предотвратить. Поскольку переговоры контролировались офицерами штаба, генерал Марков под предлогом того, что в Петрограде произошли восстание большевиков и резня, а страна гибнет, попытался убедить Асатиани не афишировать полученные сведения, причѣм после обсуждения с Деникиным не позволил информировать даже комиссаров армий²⁵. Однако Асатиани смог связаться с представителями комиссариата фронта и потребовал вызова броневиков.

28 августа к зданию штаба фронта подъехали два лояльных правительству броневика, а

в результате казачья охрана разбежалась. Был арестован переводчик разведывательного отделения штаба фронта коллежский секретарь Б.А. Будилович, агитировавший казаков за Корнилова (он произнёс яркую речь о том, что теперь в России две партии — немецкая и русская, в последней генералы Корнилов и Деникин)²⁶, установлено наблюдение за квартирами генералов Деникина и Маркова (фактически посажены под домашний арест)²⁷, а на следующий день комиссаром Иорданским генералы были арестованы. Кроме того, арестовали генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала М.И. Орлова, командующего 1-й армией генерала Г.М. Ванновского, командующего Особой армией генерала И.Г. Эрдели, главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта генерала Е.Ф. Эльснера, переводчика разведывательного отделения штаба Юго-Западного фронта поручика В.В. Клецанду, 28 августа равнившего солдата на Лысой горе. Всех поместили на гауптвахту на Лысой горе. 28 сентября 1917 года арестованных перевели в город Быхов. Дежурного генерала штаба фронта генерала С.М. Волкова и полковника И.Н. Лосева заключили под домашний арест²⁸.

Итак, если верить показаниям Деникина и Маркова, они практически не предпринимали никаких реальных действий для содействия Корнилову. Вполне возможно, генералы ожидали разрешения ситуации в Ставке и Петрограде.

По словам других очевидцев и участников событий, в штабе не было понимания, что речь идёт о вооружённом сопротивлении Временному правительству, а сама история внезапного конфликта Керенского и Корнилова была окружена «какими-то недомолвками и таинственностью, указывавшими, что вопрос не исчерпывается тем, что написано в телеграммах»²⁹. Но штабные офицеры сомневались в существовании какого-либо заговора. Помощник начальника оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера подполковник В.О. Каппель показал: «Все происшедшие события, начиная с телеграммы генерала Лукомского, явились для меня и, думаю, для всего штаба полной неожиданностью»³⁰. И.д. начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба фронта подполковник Е.А. Кельчевский прямо заметил, что «если генералы Деникин и Марков что-либо определённое и знали о замысле Корнилова, то офицеров в него не посвящали. Генерал Орлов по типу человек весьма спокойный и мирный, всякое такое выступление противно его натуре... Деникин только солдат; его вмешательство во внутреннюю политику странно; думаю, что вопросы государственные ему и не по плечу. Генерал Марков — от природы склонен бросаться в рискованные предприятия, будировать, бороться и т.д. Во всех его действиях всегда значительная доза мальчишества»³¹.

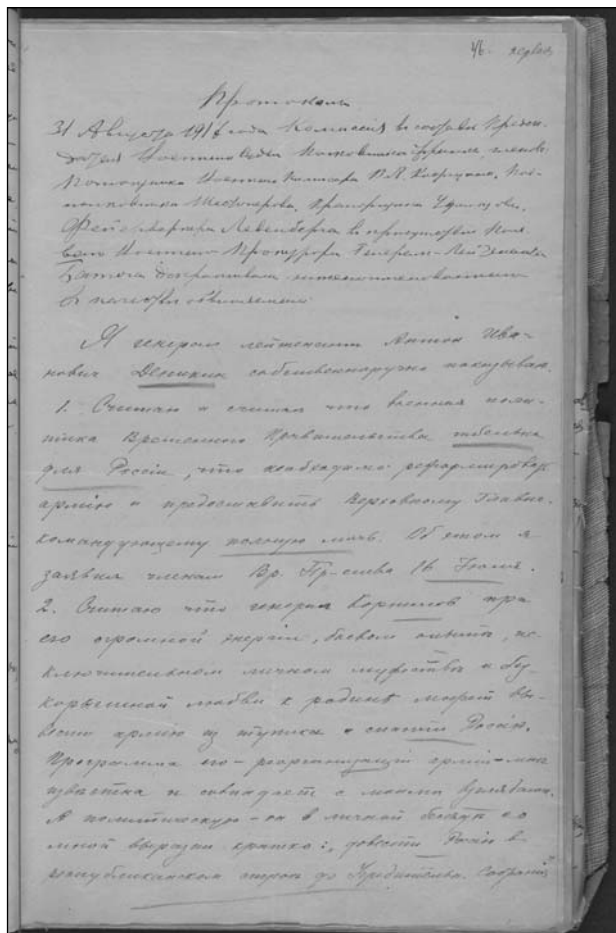

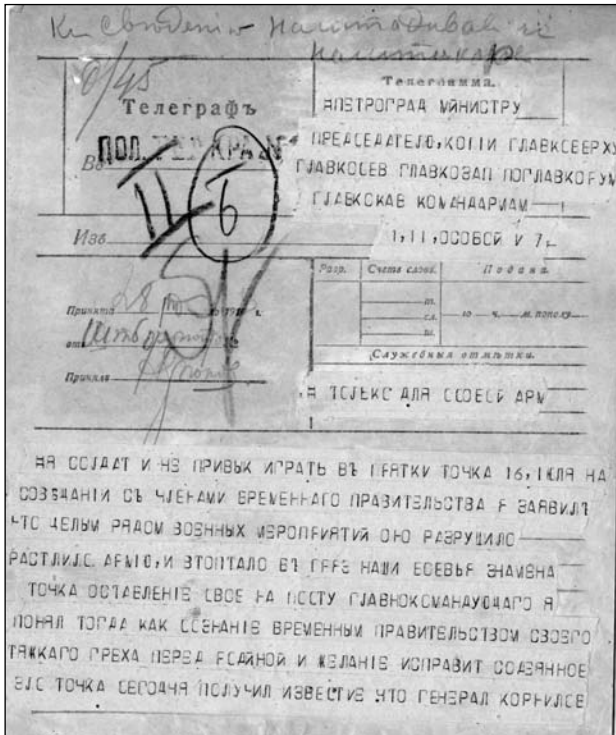
Генерал А.И. Деникин

Генерал Е.Ф. Эльснер, находившийся тогда в Житомире, свидетельствовал: «Заявляю, что ни в каком заговоре участия не принимал; считаю, что для военнослужащего никаких заговоров существовать не должно, ибо это противно его долгу и присяге... считаю для себя бесчестным, состоя на службе и присягнув Временному пра-

Показания генерала А.И. Деникина

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры

Телеграмма А. И. Деникина в поддержку Л. Г. Корнилова

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры
Публикуется впервые

вительству революции, предпринимать какие-либо контрреволюционные действия»³².

В других показаниях содержались несколько иные подробности. Так, комендант главной квартиры полковник И. Т. Вышемирский отметил, что генерал Марков сменил охрану штаба и квартиры главкома под предлогом плохой службы казаков, а также назначил начальником гарнизона командира 1-го Оренбургского казачьего полка полковника И. Н. Лосева³³. Последний сообщил важные детали. По свидетельству Лосева,

Быховская тюрьма

Фото А. В. Ганина, 2010 г.

1-й Оренбургский казачий полк был переведён в Бердичев не «давно», как утверждал Деникин, а в середине августа 1917 года³⁴.

Тревожные наблюдения содержали показания комиссара Иорданского: «22 августа, когда я последний раз видел г[енерала] Деникина, он сделал загадочное для меня заявление по поводу моих слов о необходимости изменить его отношение к войсковым организациям: «Подождите немного, до 27-го, тогда всё выяснится». Я не понял тогда, что это значит. Но впечатление какой-то тайны осталось настолько ярким, что, когда бывший при нашем разговоре шт[абс]-кап[итан] Иванов спросил меня: «Не кажется ли Вам, что Деникин на что-то и на кого-то надеется?», я ответил: «Неосомненно, он имеет чью-то сильную поддержку в своей антиправительственной линии. Вероятно, Корнилов дал ему серьёзные обещания»³⁵.

Подполковник В. В. Колоссовский показал, что «генерал Марков всему задавал тон и царил в штабе неограниченно. Он определённым образом враждебно относился к выборным войсковым организациям и к комиссариату... Из разговоров с офицерами штаба и из некоторых вскользь сказанных слов генерала Маркова во время одного из вечерних докладов я узнал, что в России повсеместно ожидается организованное выступление большевиков. Генерал Марков прочёл даже вслух постановление, кажется, бердичевского совета солдатских и рабочих депутатов, напечатанное в одной из бердичевских газет, о том, что совет не остановится перед повторением Варфоломеевской ночи. Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит, но я не могу утверждать, что это был определённый контрреволюционный заговор и что существовала в этом духе какая-либо организация»³⁶.

Не исключено, что всё это перекликается с событиями, зафиксированными в дневнике командующего 7-й армией Юго-Западного фронта генерала В. И. Селивачёва 12 августа 1917 года: «Из Ставки вернулся Ген[ерального] шт[аба] капитан Нежинцев, рассказавший, что Корнилова хотят убраться, а посадить на его место Черемисова.

Но Корнилов заявил, что будет борьба, а посему он теперь стягивает к себе конницу, а из пехоты хочет взять корниловцев для производства ареста Совета солдатских депутатов.

Посему с минуты на минуту ожидаются крупные события и вызов корниловцев не позднее 15го авг[уста].

Дай Бог Корнилову остаться на месте и справиться с этой разрухой — гидрой!!!»³⁷. Начальник штаба фронта передал Селивачёву требование Корнилова избегать конфликтов и столкновений с комиссарами, т.к. вскоре ожидалась серьёзные перемены, регулирующие права комиссаров и комитетов³⁸. На 22 августа было намечено совещание в Ставке с представителями фронтов и армий, которое 19 августа перенесли на 24-е.

Генерал Е. Ф. Эльснер свидетельствовал, что «телеграммы Деникина и Маркова относительно смены Корнилова, адресованные, кроме прямых

Генерал Л.Г. Корнилов и его соратники в быховской тюрьме: 1. Л.Г. Корнилов; 2. А.И. Деникин; 3. Г.М. Ванновский; 4. И.Г. Эрдели; 5. Е.Ф. Эльснер; 6. А.С. Лукомский; 7. В.Н. Кисляков; 8. И.П. Романовский; 9. С.Л. Марков; 10. М.И. Орлов; 11. А.Ф. Аладьин; 12. А.П. Брагин; 13. В.М. Пронин; 14. С.Ф. Никитин; 15. А.В. Иванов; 16. И.В. Никаноров; 17. Л.Н. Новосильцев; 18. В.Е. Роженок; 19. И.А. Родионов; 20. И.Г. Соотс; 21. В.В. Клецанда
Быхов, 1917 г.

адресатов — Временного правительства и военного министра в копии всем главнокомандующим, командующим армиями, начальникам штабов, несомненно, призывали оказать моральное воздействие на правительство в пользу Корнилова. Здесь, очевидно, предполагалось применить тот же приём, который применили Родзянко и Алексеев в феврале этого года для того, чтобы заставить бывшего государя уступить, и который привёл к желательным результатам»³⁹.

Несмотря на незначительность вины командования фронта, в документах дела встречаются и призывы применить к контрреволюционерам смертную казнь (например, телеграмма из 11-й армии), что было на руку сторонникам расправы и над самим Корниловым.

Как бы то ни было, документы следствия не свидетельствуют, что Деникиным и Марковым осуществлялись силовые действия, но, по всей видимости, генералы были в курсе ожидавшихся событий. В документах содержатся только показания очевидцев без каких-либо улик. Непосредственно на Юго-Западном фронте дело свелось к рассылке телеграмм солидарности с Корниловым. Помимо этого в сложившейся

обстановке генералы пытались поддерживать порядок в Бердичеве, для чего была усилена его охрана. Каких-либо серьёзных мер для взятия под контроль местного гарнизона, и прежде всего взвода бронемашин как наиболее мощного средства городского боя, предпринято не было. Не подверглись задержаниям и представляли соглядатаями правительства и с недоверием относились к генералам. В армиях фронта наблюдалась похожая ситуация (распоряжений не отдавалось, вызывались отдельные части для охраны телеграфа, были закрыты радиостанции)⁴⁰.

Если говорить о каких-то заговорщических действиях, то их следы надо искать в Ставке и в петроградских кругах. Кроме того, и что особенно важно, следователь Раух указывал на существование сговора лидеров Корниловского движения с А.Ф. Керенским. Убеждены в этом были и некоторые участники событий⁴¹. Этот сговор Керенский впоследствии пытался замалчивать, осуществляя непосредственный контроль над следствием и ограничив его лишь одним из эпизодов корниловского дела, связанным с распространением Корниловым воззвания.

Генерал С.Л. Марков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1—2. М., 2003.
² Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 551—563.
³ Некоторые наиболее значимые материалы архива Р.Р. фон Раупаха уже опубликованы: Ганин А.В. «Всея душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...»: неизвестное письмо генерала С.Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107—109; «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...»: документы по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / Публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3—34.
⁴ Раупах Р.Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года. СПб., 2007.
⁵ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (ВАР). R.R. Raupakh collection. Vox 1. Письмо Р.Р. фон Раупаха В.Л. Бурцеву.
⁶ Ibid. Т. 1. Л. 1, 1 об.
⁷ Ibid. Письмо Р.Р. фон Раупаха В.Л. Бурцеву.
⁸ Также см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 25, 26.
⁹ Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1. С. 68, 70—73.
¹⁰ Впрочем, сам Керенский позднее утверждал, что не испытывал враждебности ни к Деникину, ни вообще к кому-либо из военачальников (Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 280, 281).
¹¹ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Письмо Р.Р. фон Раупаха В.Л. Бурцеву.
¹² Ibid. Т. 1. Л. 46, 47.

¹³ Публикацию телеграммы см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. М., 2003. С. 254; Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 551, 552.

¹⁴ «Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду» (Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 245; Т. 2. С. 500; Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Т. 1. С. 553. Также см.: РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 13 об.; Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачёва. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 111).

¹⁵ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 1. Л. 47, 47 об.

¹⁶ Ibid. Л. 17 об., 18.

¹⁷ Ibid. Л. 51, 56.

¹⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 15 об., 16.

¹⁹ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 1. Л. 48 об.

²⁰ Ibid. Л. 52 об.

²¹ Речь идёт о совещании в Ставке по вопросу о мерах по восстановлению боеспособности армии, которое состоялось 16 июля 1917 г. с участием высших чинов армии, министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, министра иностранных дел М.И. Терещенко, комиссара Юго-Западного фронта Б.В. Савинкова. Генерал А.И. Деникин раскритиковал систему военного управления в лице комиссаров и комитетов, заявив, что не большевики, а другие силы разрушили армию. Это был прямой выпад в адрес правительства. Генерал М.В. Алексеев также высказался об ответственности правительства за расшатывание армии. Генерал Н.В. Рузский заявил о том, что из армии «сделали орду баранов». Столкнувшись с солидарной позицией высшего командного состава, Керенский был вынужден оправдываться (РГВИА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 144. Л. 61, 67 об., 69, 72. Речь Деникина см.: Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Т. 1. С. 507—522).

²² ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 1. Л. 49 об.

²³ Имеется в виду — на московском Государственном совещании.

²⁴ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 1. Л. 54 об.

²⁵ Ibid. Л. 69 об., 70.

²⁶ Ibid. Л. 103 об.

²⁷ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Т. 1. С. 558.

²⁸ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 1. Л. 235.

²⁹ Ibid. Л. 42

³⁰ Ibid. Л. 107.

³¹ Ibid. Л. 44 об., 45.

³² Ibid. Т. 2. Показания Е.Ф. Эльснера. С. 18.

³³ Подробнее о нем см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891—1945: биографический справочник. М., 2007. С. 336.

³⁴ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 1. Л. 31.

³⁵ Ibid. Т. 3. Показания Н.И. Иорданского. Л. 1 об.

³⁶ Ibid. Т. 1. Л. 66, 66 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.

³⁸ Там же. Л. 4а. Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачёва. С. 109—112.

³⁹ ВАР. R.R. Raupakh collection. Vox 1. Т. 2. Показания Е.Ф. Эльснера. С. 11.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 17, 17 об.

⁴¹ Там же. Л. 27.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917—1922 гг. в документах офицеров русской армии» ■